

Дуров Лев

7.06.2005

ДРУГ Льва Дурова артист Владимир Качан говорил: «Когда Лева рассказывает о своем почти блатном детстве, я понимаю, что его судьба сделала какой-то невероятный зигзаг. Вместо того чтобы стать лидером лефортовской братвы, паханом и иметь за спиной как минимум три ходки, он стал любимцем миллионов зрителей и порядочным семьянином». Но у народного артиста СССР было еще одно детство - военное.

Бомбежки напоминали игру

- Я, к сожалению, не воевал. Что называется, по возрасту. (Лев Дуров родился в декабре 1931 года. - Прим. ред.). Но, как и многие мои сверстники, убежал на фронт. Трижды. Нас ловили, возвращали по домам. Сильно не наказывали. Понимали наши благие намерения. Но как бы то ни было, с началом войны детство словно оборвалось.

Долгое время для меня фашисты были абстрактным понятием. Но они не были такими дураками, какими нам их пыталась преподнести пропаганда. Иначе не оказались бы так близко к столице. И зажигалки на Москву не сбрасывались бы тысячами. Мы, пацаны, забирались на крышу, садились спиной к печной трубе и ждали, когда начнется налет. Немцы были пунктуальны. Зажигательные бомбочки - небольшие, весом с килограмм, сыпались как горох. Упадёт на крышу и начинает разбрызгивать огонь наподобие бенгальской свечи. Не обезвредишь - жди пожара. У нас было даже что-то вроде соревнования: на чьем счету больше потушенных зажигалок. Лидировал, если мне не изменяет память, Вовка по кличке Сопля. Бомбежки лично мне напоминали игру. А вот самое страшное воспоминание о войне у меня связано с госпиталем.

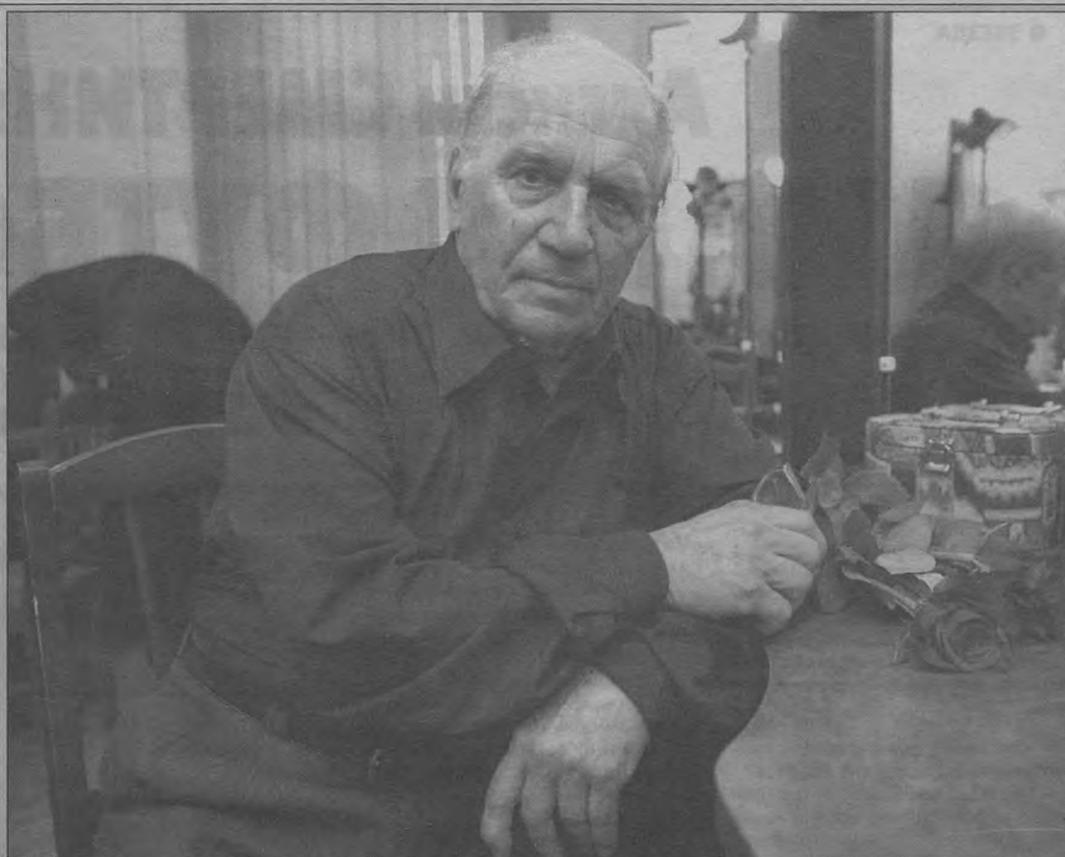
«Я помогал при ампутации...»

- Гарнизонный госпиталь находился в Лефортове, неподалеку от нашего дома. Мы после школы ходили туда, чтобы хоть чем-то помочь - дров натаскать, воды принести, отвлечь раненых от горестных мыслей. Я частушки пел: «Сидит Гитлер на заборе, просит кружку молока, а колхозник отвечает - кран сломался у быка». Вместо слова «кран», сами понимаете, я произносил другое слово. Я из лефортовских, раннее детство провел на голубятне, слова разные знаю... «Ну, Швейк, ты даешь!» - гоготали раненые. Прозвище у меня было - Швейк. В госпитале я насмотрелся всякого. Постепенно привыкаешь к, казалось бы, неестественным для человека вещам. Восприятие притупляется. Я помогал при ампутации. Это страшно: ты держишь чью-то ногу во время отделения ее от тела. Нога становится тяжелее, тяжелее, тяжелее. Я не могу объяснить почему, но ампутированная нога превышает свой собственный вес. Это жуткое ощущение, оно у меня сохранилось до сих пор.

В госпитале в одной палате - стоны, крики от боли, а в другой - гомерический хохот. Таковы реалии жизни. Среди тяжелораненых у меня были самые настоящие друзья. Несмотря на разницу в возрасте. Человеку хотелось излить душу, но было некому.

Конец танкиста Ванечки

- В одной из палат лежал танкист Ванечка. После тяжелого ранения на Курской дуге и госпиталя он оказался в пехоте. По-

Лев ДУРОВ:

«СИДИТ ГИТЛЕР НА ЗАБОРЕ...»

Знаменитый актер развлекал летчиков и танкистов матерными частушками

дорвался на mine где-то под Киевом. Ванечка был «самовар». Так называли тех, у кого ни рук, ни ног. Жена от него отказалась. В письме она откровенно признавалась: я еще молода, зачем он мне такой? Письмо это от Ванечки, конечно же, утаили. Я старался рассказы выбирать пошлее, читать заодно, но Ванечка так ни разу и не улыбнулся. Он каждый день затягивал одну и ту же тоскливую песню. Мол, ребята, пристрелили бы вы меня. Ну и кто-то откликнулся на его мольбу. В госпитале появились особы. Наверное, они трезво оценили ситуацию и расследования проводить не стали. Я слышал, как один другому говорил: «Напиши: «Покончил жизнь самоубийством!» Каким образом мог застрелиться человек, у которого ни рук, ни ног, - таким вопросом они не задавались.

Как доктор Фира Витька «опробовала»

- В госпитале я дружил с одним истребителем - Витьком. Летчики, те, что воевали, знают, что хорошая дополнительная защита - сковородка под задницей. Витек был гордый, он под себя сковородку не подкладывал. Ну и доигрался! Снаряд разорвался под ним. Витек еле дотянул до аэродрома. Помню, как я стоял и переживал за него у двери опе-

рационной. Оперировала Витька Фира Израилевна. Она была не просто хирургесса, а легенда! Огромная, с огненно-рыжими волосами. Раненые шутили: вначале в палате появляется Фиринна грудь, а минут через пять она сама. Материлась Фира, как сапожник. Но хирург была от Бога. Ее и уважали, и обожали все.

И вот я слышу металлический стук. Это в тазик падает очередной осколок. «27-й, - ведет подсчет осколкам Фира. И тут же констатирует: - Ж... - как решето!» Минутная пауза. «А с этим-то что делать?» - спрашивает Фира риторически сама у себя. - Не до конца же он перерублен». Я не понял, про что речь. Потом догадался. «Жалко, - говорит Фира, - с таким пеньком отправлять парня домой. Красивый мальчик. В общем, давайте я попробую... А дальше - дальше будет видно!» По тем временам Фира Израилевна выполнила невероятно сложную операцию. Даже сейчас, наверное, не каждый хирург возьмется за нее.

Витек грозился, если у него «все не будет в порядке», застрелится. Я мог только полудогадываться, о каком «порядке» идет речь. У Витька на родине - невеста Верка. Самая красивая в районе, утверждал он. Ждет не дожидется. «А приеду таким г.!» Это не я - он так говорил.

Однажды прихожу - Витек весь аж светится! «Я с Фирой договорился. Фира сказала: «Я тебя вернула к жизни - я тебя и опробую. Велела завтра явиться на прием. Но чтобы никто ни о чем

не могу. «Иди к своему Витьке! Может, успокоишь. Он всю подушку зубами порвал!» - подсказывают знакомые бойцы. Я в палату. На кровати сидит Витька - злой, аж черный! «Витек, в чем дело?!» - «Да отстань!» - «Ну чего ты, в самом деле? Что стряслось-то?» Успокоился мой дружок малость, говорит: «Да понимаешь, тут такое дело... Фира же мне велела вчера: приходи. Дождался я своей очереди, захожу в кабинет. «Раздевайся за ширмой». Я разделся. «Выходи». Выхожу, голый, естественно. Фира глянула в мою сторону, взяла да и распахнула халат. А под халатом у нее - ничего! Тоже абсолютно голая. У меня горло перехватило. Не успел я с мыслями собраться, она запахивает халат и говорит: «Ну вот, Витюша, все у тебя нормально. Дурить не будешь, до невесты довезешь». И дала мне коленкой под зад. Да так, что я в чем мать родила вылетел в коридор. А там же очередь, полный коридор раненых. «Подумаешь, - говорю я, чтобы успокоить Витьку. - Мужики же в коридоре. Да если и баба какая, что она мужика голого не видела!» «Беда не в этом, - продолжает свой горестный рассказ Витек. - Все дело в том, что я не заметил, как Фира мне пижаму на «хозяйство» повесила. Так под дружный гогот я с пижамой на... до палаты и дошел». Позже, вспоминая этот случай, я понял: народ с таким чувством юмора победить невозможно!

Записал Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Кирилла КУДРЯВЦЕВА

«Народ с таким чувством юмора нельзя победить!»